

Майсак Т. А. Простые и производные причастия в андийском языке: сходства и различия в морфологии и семантике // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи. Сборник статей по материалам VII Международной научной конференции. 24–25 июня 2021 г. Махачкала: ИЯЛИ ДФИЦ РАН; АЛЕФ, 2021. С. 63–68. DOI 10.31029/caucaslanguages2021/7

ПРОСТЫЕ И ПРОИЗВОДНЫЕ ПРИЧАСТИЯ В АНДИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В МОРФОЛОГИИ И СЕМАНТИКЕ*

Т.А. Майсак

*Институт языкознания РАН,
НИУ «Высшая школа экономики»*

В статье по данным корпусного исследования рассмотрено употребление специализированных причастных форм андийского языка нахско-дагестанской семьи и атрибутивизированных финитных форм глагола (презенса, перфекта и др.) — своего рода «производных» причастий, дополняющих базовую систему причастий. Как показывает исследование, даже при наличии специальных морфологических форм причастий ими покрывается не весь спектр семантических функций, и производные причастия не оказываются «лишними», а занимают свои ниши как в перфективной, так и в имперфективной области.

Ключевые слова:

нахско-дагестанские языки, аваро-андийские языки, андийский язык, причастие, атрибутивизация, перфектив, имперфектив

* Исследование поддержано грантом РНФ №18-78-10128.

The article presents the results of a corpus study of basic and derived participles in Andi (Nakh-Daghestanian). While the basic participles are dedicated non-finite forms, the derived participles are attributivized finite forms (e.g. the present, the perfect etc.), which complement the system of basic participles. As the study shows, the dedicated participles do not cover the whole range of semantic functions, while the derived participles occupy their own niches, both in the perfective and the imperfective domain.

Key words:

Nakh-Daghestanian languages, Avar-Andic languages, Andi, participle, attributivization, perfective, imperfective

В андийском языке аваро-андийской группы имеются две специализированные формы причастия. Форма, образуемая от основы прошедшего времени при помощи суффикса *-б* (*-м* после назализованных основ), функционирует в качестве причастия совершенного вида (в описаниях она, как правило, названа «причастием прошедшего времени»), ср. *вугъгъоб* «тот, который пришел»¹. Форма, образуемая от основы настоящего времени на *(-и)д-* при помощи суффикса *-(и)я / -(и)йа*, функционирует в качестве причастия несовершенного вида (в описаниях она может быть названа причастием «настоящего» или «будущего» времени), ср. *вугъгъидя* «тот, который приходит/придет». Эта форма совпадает с финитной формой будущего времени, ср. *вугъгъидя* «придет». О формах причастий в существующих описаниях см., в частности: [1, с. 62–64], [6, с. 404–407], [8, с. 359–360], [5,

¹ В разных источниках по андийскому языку звонкий увулярный звук [g] по-разному отображается кириллицей: *гъгъ* либо *къг*; в данной работе мы принимаем первое написание.

с. 194–196]. Здесь и далее мы говорим только о верхнеандийских говорах андийского языка.

Наряду со специализированными формами причастий в андийском существуют другие глагольные формы, которые могут выступать в форме определений, — это формы, производные от финитных видо-временных форм при помощи показателя атрибутивизации (адъективизации) *-сси*. Атрибутивизатор *-сси* может превращать в определения не только глагольные формы, но и наречия, косвенно-падежные и послеложные именные группы и даже цитаты, ср. *шела-сси* «завтрашний» < *шела* «завтра», *хуру-сси кьетIур* «дерево, которое в поле» < *хуру* «в поле», *Мартагьодду-сси йешкIа* «женщина по имени Марфа» < *Мартагьодду* «Марфа + показатель квотатива *гьодду*» и пр. (подробнее об использовании атрибутивизатора в андийском см. [4]). При этом такие определения, как генитивы, прилагательные и причастия на *-б* и *-я*, не используют показатель атрибутивизации: можно сказать, что *-сси* превращает в определение только то, что не может быть определением без него. Круг синтетических финитных форм в андийском языке включает аорист (простое прошедшее), перфект на *-дду* / *-д*, уже упоминавшийся футурум на *-я*, хабитуалис на *-о*, презенс на *-р* / *-радо* / *-мадо*, проспектив (форму намерения) на *-лхъ(и)* и некоторые другие. Возникает вопрос: если в языке уже существуют две специальные формы причастий, используются ли в дополнение к ним еще и атрибутивизированные формы глагола на *-сси*? И если да, то какие именно из атрибутивизированных форм наиболее распространены и каковы их функции? Иначе говоря: зачем могут быть нужны «производные» атрибутивизированные формы при наличии собственно причастий?

На этот вопрос мы попытались ответить, используя материалы двух опубликованных книг на андийском языке — сборника сказок народов мира [2] и перевода Евангелия от Луки [3]. (Обе книги представляют собственно андийский говор, хотя в переводе Евангелия представлен скорее смешанный вариант, поскольку встречаются и черты других северных ан-

дейских говоров.) Мы проанализировали использование атрибутивизированных глагольных форм, пытаясь понять, в каких контекстах они используются и чем эти контексты отличаются от тех, которые наиболее типичны для собственно причастий на *-б* и *-я*. Как показало наше исследование, среди финитных глагольных форм чаще всего с атрибутивизатором выступает презенс (*-р-сси*, *-радо-сси*) и перфект (*-дду-сси*), реже хабитуалис (*-о-сси*). Можно сказать, что все эти формы дополняют парадигму двух специализированных причастий.

Несмотря на такое многообразие причастных форм, между ними обнаруживается вполне четкое распределение. Так, в перфективной области противопоставлены собственно перфективное причастие на *-б* и атрибутивизированная форма перфекта на *-дду-сси*. При этом перфективное деепричастие используется с **собственно перфективным** значением, обозначая предшествующую и завершившуюся ситуацию, см. (1). Аtribuтивизированный же перфект передает главным образом **перфектное и результативное** значение, то есть обозначает совершившуюся и релевантную в точке отсчета ситуацию либо состояние, длящегося в точке отсчета, см. (2). Можно сказать, что в то время как атрибутивизированный перфект семантически напрямую соотносится с перфектом (от которого и образован), перфективное причастие семантически соотносится с аористом.

(1) Перфективное причастие на *-б*

булИиб дан «случившееся событие», ср. аорист *булИи* «случилось»

хъвардиб дан «надпись», ср. аорист *хъварди* «написал»

мен игьиб шур «тобой сделанное добро», ср. аорист *игьи* «сделал»

гылакку бухиб ролал «сверху снятая одежда», ср. аорист *бухи* «снял»

мен умуру иччиб мичИи гьинкИкИу «маленькая мышка, которой ты подарил жизнь», ср. аорист *иччи* «дал, подарил»

оххвом лъльенди цIатолгыб боцIо «ошпаренный кипятком волк», ср. аорист *оххвон* «вскипел», *цIатолгы* «обжег»

(2) Перфект на *-дду* + атрибутивизатор *-сси*

гылуддусси ханщув вошо «сын хана, которого она любила», ср. перфект *гылудду* «полюбил(а)»

гылакку хъабддусси решулИ кьетIур «расколотый сверху ствол дерева», ср. перфект *хъабдду* «расколол»

бошанддусси гьалбацИ «связанный лев», ср. перфект *бошандду* «связал»

дуб баччунниддусси дан «твоя ноша», ср. перфект *баччуннидду* «понес, взвалил»

тахила гьогъгьу бикIводдусси решиноласси шан «небесный дух, сидевший на троне», ср. перфект *гьогъгьу бикIводду* «сел, сидит»

чIегу баходдусси пера «две дерущиеся пчелы», ср. перфект *баходду* «вступил в драку»

диво бади вугьиддусси гьекIа «человек, который против Меня», ср. перфект *бади вугьидду* «стоит напротив»

Что касается имперфективной зоны, то фактически основным причастием в ней является именно производное, то есть атрибутивизированный презенс, который используется в широком круге **имперфективных** контекстов, см. (3).

(3) Презенс на *-р(адо)* + атрибутивизатор *-сси*

дунялла бахуннирсси халгъгьиллIол «народов мира, букв. в мире живущих народов», ср. презенс *бахуннир* «живет, живут»

цIекIироди гьитIомадосси дан «то, что (в данный момент) говорила коза», ср. презенс *гьитIомадо* «говорит»

йоши йичомадосси гьекIва «жених; мужчина, который женился (планировал жениться) на девушке», ср. презенс *йичомадо* «женится»

битИ охвонадосси лълъенлИ илIу «прямо в кипящую воду», ср. презенс *охвонадо* «кипит»

дуй кумеки игьирсси багьу йоши «твоей хорошенькой помощнице», ср. презенс *кумеки игьир* «помогает»

Эбиду гьѳб байчорадогъодду раццѳимадосси гьѳкѳа «человек, который спрашивает: Зачем отвязываете?», ср. презенс *раццѳимадо* «спрашивает»

икомадосси гьѳкѳале, яльѳбор икомадоссищуй гьѳлухъѳилласиле? «тот, кто ест, или тот, кто прислуживает едящему (дат.п.)?», ср. презенс *икомадо* «ест»

Встает вопрос, какую нишу занимает собственно специализированное причастие на *-я*, однако по текстовым данным оказывается, что оно ограничено **хабитуальными и генерическими** контекстами, реже — контекстами презназначения («то, что будет сделано»), см. (4). Иногда это причастие выступает и вовсе в лексикализованном употреблении в качестве имени существительного (ср. *хханья* «поле, букв. скашиваемое», *гьалтѳунья* «служанка, букв. работающая»).

(4) Имперфективное причастие на *-я*

идя дан «дело, которое будет сделано», ср. футурум *идя* «сделает»

иду буккудя дан «то, что нужно сделать», ср. футурум *буккудя* «нужно»

лъомидо вугъгьидя заман «время, в которое придет вор», ср. футурум *вугъгьидя* «придет»

Иерусалим гьагъгьидя миса «место, с которого виден Иерусалим», ср. футурум *гьагъгьидя* «увидит»

дуйгу гьѳкѳуди иду гьѳлудя дан «то, что вы хотите, чтобы делали для вас люди», ср. футурум *гьѳлудя* «захочет»

ирси бихидя вошо «наследник, букв. наследство берущий парень», ср. футурум *бихидя* «возьмет»

Гьѳласищуй дуа идя гьгъайда «то (букв. порядок), как надо молиться», ср. футурум *дуа идя* «будет молиться»

решу рукъидял адам «дровосеки, букв. деревья рубящие (мн.ч.) люди», ср. футурум *рукъидя* «будет рубить»

Прочие атрибутивизированные формы слишком редки, но их функции также соответствуют семантике исходных глагольных форм (ср. атрибутивизированный хабитуалис *цІатидосси дунгил* «горящая яма; яма, в которой (всё время) горел костер» < *цІатидо* «горит» или *мен ссудилло вулинносси ригъи* «в то время, когда идешь в суд» < *вулинно* «идет»).

Таким образом, наше исследование показывает, что даже при наличии специальных морфологических форм причастий ими покрывается не весь спектр видо-временных функций: некоторые контексты недоступны для этих форм, однако в них регулярно используются производные причастия, т.е. атрибутивизированные финитные формы глагола. Так, андийское причастие «настоящего времени» на *-я* в действительности является скорее хабитуально-футуральным, а не общим имперфективным причастием: неслучайно ее финитный аналог, а именно будущее время на *-я*, уже почти полностью перешло из презентной в футуральную область (переход из хабитуального презенса в будущее время хорошо известен и в типологии, и в нахско-дагестанских языках, см., в частности, [7], [9], [10]). В результате имперфективная зона оказывается в основном «занята» производной формой, а именно атрибутивизированным презенсом на *-р(адо)-сси*, который и в качестве финитной формы, и в функции причастия является наиболее широкой по значению имперфективной формой. Логичным «дополнением» к перфективному причастию является и атрибутивизированный перфект, описывающий не просто завершившуюся в прошлом ситуацию, но результирующее состояние, релевантное к или длящееся в точке отсчета. Тем самым, каждое из производных причастий занимает свою нишу, семантически напрямую соотносящуюся с финитным употреблением соответствующей формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дирр А. М. Краткий грамматический очерк андийского языка // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 36. Тбилиси, 1906. — 200 с.

2. *Дунялла бахуннисси халгъгъиллИол гъгъванаб миццИиллассол мухал* (Сказки народов мира на андийском языке) / Отв. ред. Магомедова П. А., пер. Алисултановой М. А. Махачкала: ИД «Нуруль иршад», 2010. — 26 с.

3. *Лукашди босам рергъанольлъи хабар* (Евангелие от Луки). Москва: Институт перевода Библии, 2015. — 180 с.

4. Майсак Т. А. Атрибутивные показатели в андийском языке: клитики или аффиксы? // Герасимов Д. В., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). Сборник статей к 85-летию В. С. Храковского. М.: Изд. дом «ЯСК», 2019. С. 280—305.

5. Салимов Х. С. Гагатлинский говор андийского языка. Махачкала: ИЯЛИ, 2010. — 420 с.

6. Сулейманов Я. Г. Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИЯз АН СССР, 1957. — 431 с.

7. Татевосов С. Г. *Есть — бывает — будет*: на пути грамматикализации // Плунгян В.А., Ландер Ю.А., Урманчиева А.Ю. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 226—256.

8. Церцвадзе И. И. Андийский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1965. [На груз. яз., резюме на рус. яз.] — 392 с.

9. Maisak T. The Present and the Future within the Lezgetic tense and aspect systems // Authier G., Maisak T. (eds.), Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian languages. Bochum: Brockmeyer, 2011. P. 25—66.

10. Tatevosov S. From habituals to futures: discerning the path of diachronic development // Verkuyl H., de Swart H., van Hout A. (eds.), Perspectives on Aspect. Dordrecht: Springer, 2005. P. 181—198.